

Алексей Макаров

Пы нужен всем нам

Алексей Макаров

Ты нужен всем нам (сборник)

«СУПЕР Издательство»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

Макаров А.

Ты нужен всем нам (сборник) / А. Макаров — «СУПЕР
Издательство», 2017

ISBN 978-5-9500827-7-1

В своей книге «Ты нам нужен всем нам» Алексей Макаров коснулся темы, которая особенно близка всем морякам. Это тема дома и семьи. Всех тех, кого моряк оставил далеко в родном порту. Эта книга про тех, кто любит и ждёт встречи. Про тех, для кого первый день прощания всегда является первым отсчётным днём для долгожданной встречи со своими любимыми. От мысли о них, своих родных, невозможно никуда ни уйти, ни спрятаться. Где бы ты ни был, где бы ты ни находился в любой точке Земного шара. Они всегда есть и будут с каждым моряком в душе и в его сердце. И, даже несмотря на суровый вид этих бывалых мужчин, в душе они всегда остаются нежными мужьями, отцами и сыновьями, так легко ранимыми, от любого не правильного слова, сказанного или невзначай, а то и просто так. Порой, в длительных рейсах, только во сне у этих грубоватых, на вид, мужчин всплывают их самые лучшие чувства, о которых не каждому дано признаться в открытую. Это чувства любви, верности и необычайной ранимости каждого моряка, который только от одного чувства, узнав, что ты нужен, пойдёт на всё. С глубоким уважением посвящается морякам и их семьям.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9500827-7-1

© Макаров А., 2017

© СУПЕР Издательство, 2017

Содержание

Сон первый (радостный)	7
Сон второй (плохой, тревожный, грустный)	16
Сон третий (плохой, ужасно плохой)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Макаров

Ты нужен всем нам (сборник)

© Алексей Макаров, 2017

© ООО «СУПЕР Издательство», 2017

Сон первый (радостный)

Выглядываю в иллюминатор. Ветер разогнал туман. Причал уже подсох, проглядывает синее небо сквозь редкие облака. Да, сегодня будет тепло. Конечно не так, как в тропиках, но уже конец июня. Наверное, можно будет одеться по-летнему. Хорошо, что заранее все постирал и погладил.

Ну, таможня! Что они искали четыре часа у нас на судне? Непонятно.

Инночка уже, наверное, извелась у проходной. Скоро, сейчас я ее увижу!

Позвонил телефон:

– Пап, ну что ты там, заходи, – слышен Алешин голос.

– Сейчас, сынок, переоденусь, – говорю я быстро в трубку.

– Ну, давай быстрее, а то мне к трапу.

Да, Алеше сегодня двадцать один год. Подарку рад. Еще бы. Золотой перстень с цепочкой и крестом есть не у каждого его ровесника.

Что же одеть? Да ладно. Светлые брюки и рубашка на койке, которые я предварительно погладил и приготовил для этого случая, подойдут. Спускаюсь к нему в каюту.

На столе у него по-походному. Коньяк? Ого! Прошло уже четыре с половиной месяца, как мы ушли из Владивостока, а он до сих пор хранит эту бутылку.

– Что, берёг по этому случаю? – заглядывая ему в глаза, спрашиваю его.

– Угу, – он, как всегда, немногословен. Наливает стопки.

– Ну что же, сынок, с юбилеем тебя! Понял вкус матросского хлеба? Ну, а если понял, то ешь его с честью, не стесняясь мозолистых рук, – желаю ему от души.

– Спасибо – говорит он, нарочито грубо, а у самого в глазах блеснула слезинка. Значит, до глубины души достал его словом. И самому хорошо оттого, что рядом 21 – летний, стройный, загорелый, голубоглазый блондин, в испачканном краской комбинезоне, выше меня на полголовы слушает меня и впитывает отцовские слова, как бы стараясь пронести их через всю жизнь. Выпили, закусили кружочками лимона, помолчали.

– Ну, ладно. Иди, а то сменщик заждался. Смотри наших, – говорю ему уже в след.

– Да их через проходную не пускают, сейчас только третий побежал туда с ролями, – говорит он уже внизу с трапа, куда прогромыхал сапожищами.

Поднимаюсь в каюту. Сердце трепещет, как у мальчишки. Сейчас, сейчас придет моя самая любимая женщина в мире. Сейчас, сейчас я ее увижу. Звонок.

– Пап, вон тетя Инна идет, а маму с Катькой не пускают что-то неправильно записано в роли, – басит в трубку Алеша.

– Так ты стоняй, исправь, что надо, объясни, – советую ему, а сам хватаю фотоаппарат и вниз, к трапу.

Только слетел вниз, на ходу взводя затвор, а они вот уже... Сразу щелкаю, и ко мне летит моя любимая, неузнаваемо прекрасная, раскрыв объятия. Успеваю заметить ее причёску (долго же она готовила ее для меня), раскрытые от радости глаза, сияющую улыбку, шикарную красную блузу и все... Я её держу у своего сердца, а с другой стороны с визгом радости на шею карабкается Данила.

– Ну, вот и все. Вот и вместе, – только и успеваю сказать, вздохнув после первого поцелуя.

– Пап, а мы в шесть утра выехали, мама так гнала, нас никто не обогнал, а тут дядьки на проходной не пускали четыре часа. Так мы на базар съездили, – тарыхтит Данила, – Пошли быстрее к тебе. Ух, ты, какой пароход! Пап, а что тут пар из трубы идет? А сейчас куда? – он уже впереди и рвется только вперед.

– Пап, а это твоя каюта? Нам значит сюда. Вот это да! Даже палас! А что это за цветок? Ух, ты! У тебя даже ванная есть, – это слышно уже в отдалении, в глубине каюты.

– Ох, и извел он меня сегодня, прибила бы паразита, – со счастливой улыбкой на лице произносит Инночка и, прижавшись ко мне, стоит, глядя снизу вверх, в мои глаза.

– Все! Не отпуска. Ну, сколько можно ждать? Обними меня крепче, хочу быть рядом, – говорит она таким близким и родным голосом.

А я своей “ручкой”, которую два дня отмывал от въевшейся мазуты и отпаривал жесткие мозоли, ворошу ее изумительную прическу, целую мои сладкие губы, глаза, лоб.

Сколько было встреч, сколько мечтал об этой, но всегда все заново. Сердце трепещет, голос отнимается, а руки всегда берут эту маленькую аккуратную головку и прижимают ее к губам, словно впитывая заново эликсир жизни. Не бывает счастливее минут. Пропадает небо, стены, звуки, остаются только мои глаза и ее губы, руки и слова, которые сами льются из тебя, которые накоплены за долгие месяцы разлуки. Все это выливается сейчас. Но долго все это продолжаться так не может.

Выныривает Данила и начинается проверка всех ящиков в столах и шкафах.

– А что это, интересно, у тебя там такое? – слышится из разных углов каюты, и его ручки моментально влезают то в стол, то в шкаф и иной раз только пятки видны оттуда.

Вспоминается рассказ об одном матёром капитане, который, видя приближение двух внуков-близнецов к судну, кричал жене: «Мать, прячь все, фашисты идут». Но тут – ураган. Ураган слов, эмоций, действий, движений, вопросов.

Стоя посередине каюты и, держа в руках свою самую дорогую, любимую женщину, я наконец-то начинаю понимать, что ураган сейчас разгуляется не на шутку. Надо переключить его в нужное мне русло. Еще раз целую Инночку. Получилось торопливо. Все! В глазах сразу блеснул огонек непонимания, но, увидев, что я смотрю на Данилу, она, еще томным голосом, произнесла:

– Он сейчас у тебя тут устроит...

– Данила, а ты Алешу с днем рождения уже поздравил? – говорю ему, нарочито озабоченным голосом.

Сейчас же из-под дивана высунулась белобрысая голова, зеленые брызги сверкнули, в них промелькнули молнии и, мне даже послышалось, шум роликов и шариков в его голове.

– Нет, – в этих брызгах светилось удивление.

– Так ты иди к трапу и поздравь его, – мягко посоветовал я ему.

– Ага, сейчас, – и только вихрь уносимого воздуха еще шевелил листья моего лимона.

– Ну, это ненадолго, – говорит Инночка, – Ну, рассказывай, как добрались? Последний раз по телефону была такая плохая слышимость, что ничего не поняла. "Трансфлот" говорит одно, а ты тут другое. Куда ехать, где встречать – ничего не пойму. Хорошо еще Юрий Лене перезвонил, тогда стало яснее, и мы сегодня утром рванули с Леной, пока дороги свободные. Воскресенье, утро – все на дачах.

Я только стою и улыбаюсь. Я счастлив. Со мной все мое счастье. Недаром сегодня так ярко светит солнце, недаром небо синее и море спокойное.

– Из Пусана до Восточного шли спокойно, но ты же знаешь, что на подходах связь плохая. Слава богу, что ты хоть что-то разобрала, не ошиблась, – пытаюсь начать.

– А Наталья тоже за Алешей на машине приехала. Их там с Катей не пускают, – перебивает Инна.

Неожиданно резко звонит телефон:

– Пап, а вон тетя Наташа с Катькой идут. Их уже пустили, – это уже докладывает по телефону информатор Данила.

– Понял. А что вы там с Алешей делаете?

– Вахту стоим, – говорит он безапелляционным тоном.

– Ну, ладно. Устанешь. Заходи. Подарки посмотришь.

– Щас, – выпаливает он и бросает трубку.

Это я зря сказал про подарки, вахта прекратится моментально, разговора с Инночкой не получится. Да и собираться надо, стоянка у причала часов шесть, а капитан меня отпустил, чтобы я в понедельник с утра попробовал решить многие проблемы в многочисленных службах нашего пароходства.

Так, надо бы моего сыночка чем-то занять. Но вот и он – мой младший сын. На его белом лице, с правильными чертами, сияют румянцем щеки, ноздри небольшого курносого носишки нервно раздуваются, алые губы приоткрыты, льняные волосы художественно растрепаны, в зеленых глазах мечутся искры – он вот он, он готов делать всё, что ему прикажут и еще чего-нибудь, что может потребоваться.

– Данила, пойдем пригоним машину к борту, пока мама будет собираться, – предлагаю я ему.

– Давай, – говорит он нехотя, перебирая машинки, которые мы ему с Юриком выбирали два часа в Сингапуре.

– Пока, мамусь, мы сейчас, – нежно целую в щеку Инночку.

Данила вцепляется в руку, и мы с ним идём по терминалу к проходной. Рука его такая плотная, широкая в кости (как у меня), пальцы короткие, сильные.

Когда мне было 22 года, и еще не родился Алеша, я мечтал, что буду вот именно так идти с сыном за руку. И мечта моя исполнилась дважды. Так угодно судьбе и теперь он, мой сын, идет рядом, рассказывает о драке с Сашкой Громовым, о подлости Балюры, о красоте Машки Дубовой. А я, ошеломленный таким напором энергии, слушаю его, изредка вставляя свои замечания.

Вот и проходная. Молодой человек у ворот в форме выглядит непреклонно, но десять долларов делают свое дело, и я вскоре завожу разогретую солнцем «Субару». Включаю кондиционер. Охранник вежливо открывает ворота, и я потихоньку въезжаю в порт. За 4,5 месяца немного отвык от руля, а тут еще чистосердечный советник не позволяет мне развить скорость.

Только нажимаю на тормоз у трапа, как уже хлопает пассажирская дверь, и я только успеваю увидеть, взлетающего по трапу Данилу, а когда я поднялся на борт, он уже мирно беседовал с Алешей.

– Леш, ну что мать? – спрашиваю, останавливаясь рядом с ним.

– Да, нормально. Поздравила, – как бы нехотя отвечает он, а в его голосе чувствуется откровенная радость мальчишки. Понятно. Он старается выглядеть взрослым, ведь рядом же младший брат. А тот с Алешей глаз не сводит, ловит каждое его слово.

– Передавай ей привет, скажи, что у меня все хорошо, да и про себя поподробнее расскажи.

– Вот сменюсь с вахты, пойдем на бережок, посидим, тогда и расскажу, – отвечает Алеша.

– А то, что я тебе оставил, ты забрал из холодильника?

– Да, – как бы нехотя, тянет он.

Вообще-то это спиртное и закуска.

– Поможете загрузить машину, мужики? – обращаюсь я уже к обоим своим сыновьям, кивая на машину.

– Нет слов, пап, – Хором выпаливают они.

Пока мы с Данилой ходили, Инночка уже переупаковала вещи, которые я, на мой взгляд, так старательно уложил. Оказалось, что все не так, а сейчас намного компактнее. Сама, взмокшая от работы, улыбается только глазами в мою сторону, а губы только успевают говорить:

– Данила, не трогай. Данила, не тяни. Данила не поднимай. Тяжело же ведь. Зачем ты, паразит, оторвал ручку у этой сумки?

Я присаживаюсь рядом, обнимаю за плечи свою любимую, целую в шею. А она, оторвав руки от узла веревки, сама обняла мою заросшую голову:

– Ох, подстричь тебя надо, – воркует она между поцелуями.

– Да, уж за пять месяцев отрастил, – басю в ответ, не в силах оторваться от столь забытых и столько раз вспоминаемых во сне, губ.

– Переоденься, взмокнешь, таская эти ящики, – заботливо говорит Инночка.

Я раздеваюсь. Все смотрят на меня, каждый по-своему:

– Ну, ты загорел, – восхищается Данила.

– Нет, не особо и поправился, – Оценивает жена.

– А мы с папой на Синтозе отжимались, так папа отжался не меньше моего. Даже спасатели ему аплодировали, – со значением говорит Алеша.

– Ну что, начали? – предлагаю я, взявшись за ящик.

– Конечно, – откликнулась братва.

И мы, взяв по силам, кто что мог, стали то опускаться, то подниматься по трапам. Багажник и салон машины очень быстро заполнились.

– Остальное выгрузим, когда судно придёт во Владивосток, – говорю, отдуваясь братьям.

– Пошли мыться и поедем, – очень веско говорит Данила.

– Нет, я не поеду, завтра во Владике увидимся, – говорит Алеша, – Достояю вахту, с мамкой и Катей на бережку посидим.

– Что ж, ладно, отдыхайте, – говорю ему в ответ и иду мыться.

Помывшись, обсохнув под вентилятором, закрываю каюту, даю последние указания второму механику, извещаю капитана о своем убытии и спускаюсь к машине.

Пока садились в машину, по трапу спустились Алеша с Катей. Следом шла Наталья. Спустившись с трапа, она, едва взглянув на меня, мотнула, остриженной под карэ головой, отвернулась и демонстративно пошла в другую сторону. Алеша, пожав плечами, двинулся за ней следом. Я стоял и смотрел вслед этой нескладной фигуре в брюках, само вязаной кофте (хотя уже было +25 градусов) и недоумённо лупал глазами. Что ей ещё надо? Чего злится?

Инночка, как бы чувствуя мои мысли, ответила:

– Ясно чего. Такое красивое судно, большая должность, жена, восторженные дети, полная машина барахла. Да ну её, не обращай внимания, не расстраивайся.

Я сел в машину. Опять она горячая, как консервная банка на костре. Что-то занемела левая рука, я сделал ею несколько вращательных движений. В лопатке что-то отдало. Но тут же прошло.

– Перетрудил мышцу, – проскользнула мысль.

Взглянул на Инночку. Она подкрашивала губы. Я залюбовался ею, как же она всё это делает так грациозно. Вновь, уложенные в причёску волосы, через которые слегка просматривается маленькое ушко с моими любимыми серьгами. Стройная шея, слегка покатые плечи. Красная блуза очень шла к её волосам, макияжу, украшениям. Оторвав взгляд от зеркала, и скосив свои огромные глаза, она игриво спросила:

– Что разглядываешь?

– Люблю тебя, – только и хватило сил ответить.

Она, слегка выгнувшись, подставила щёку для поцелуя. Прикоснувшись губами к нежной коже её щеки, я ощутил легкий аромат духов, косметики и ... запах моей женщины. Меня аж пробило, будто молнией. Она отодвинулась, поудобнее устроилась за рулем, переключила скорость и вопросительно – торжественно спросила:

– Поехали? Домой!

– Домой, домой – ответил с заднего сидения Данила, занятый в это время вытаскиванием банки «Спрайта» из ящика.

Охранник сделал разрешающую отмашку, поднял шлагбаум и, не проверяя документов, выпустил нас из порта. Инночка сразу набрала скорость, а я сидел к ней в пол-оборота и смотрел на её нежное лицо, попутно отвечая на Данилины вопросы. Бросил взгляд на обочину – поломанный забор, брошенная ржавая бочка – не огорчили моего настроения. Что ж – Россия, не какой-то там Сингапур, где даже во время ливня брюки не пачкаются грязью.

Остановились возле въездной колонны порта Восточного. Это же надо – трава! И как она пахнет! Листочки на деревьях слегка колышутся от слабого ветерка. Туч совсем нет, голубое без облачка небо. И чистый ароматный воздух!

– Сфотографируемся? – предложил я.

Отказа не последовало. Сначала я с Данилой. Потом это чудо схватило фотоаппарат и давай его вертеть и щелкать напропалую. Я отошел подальше в траву, потянул за собой Инночку. Она легко поддалась, приникла ко мне, вдыхая мой запах и заглядывая в глаза.

– Снимай! – крикнул я сыну. Тот пару раз щелкнул.

– Как хорошо вместе, – выдохнула она, – Никуда не хочется двигаться.

– Поехали домой, там будет лучше, – прошептал я ей на ухо.

«Субара» плавно отъехала от обочины, пропуская попутные машины и резко начала набирать скорость. На Американском перевале молодой сержантик проверил документы и, улыбнувшись столь прекрасному водителю, пожелал счастливого пути.

110–120–140 легко и уверенно шла Инночка. Выключили кондиционер, открыли окна, Данила на заднем сидении приутих. Я посмотрел – он спал. И у торнадо заканчиваются запалы. Можно было спокойно поговорить. За разговорами о проведённых врозь 4,5 месяцах, три часа пути пролетели незаметно. Только ещё раз проверили документы.

И вот Владивосток. У Ростральной колонны Данила попросил прикрыть окно. Ветерок посвежел, чувствовалось приближение моря. А на Луговой у нас висел туман. Как в том анекдоте. А в деревне Гадюкино опять идут дожди.

Подъехали к дому. Соседи поздравили с возвращением из рейса. На звонок дверь сразу открыла Алёна и с визгом

– Папочка приехал! – повисла на шее.

– А я тебе торт испекла, – тут же похвалилась она.

– Давайте кушать, – предложил Данила.

– Нет. Сейчас занесём вещи, поставим машину и вот тогда начнём наш пир, – возразил я.

Для этого я взял своего главного помощника и мы пошли к машине. С разгрузкой быстро управились, поставили машину в гараж и вернулись домой.

Филя, мой милый сенбернарик, носился, позабыв о своей комплекции, и всё норовил лизнуть меня в лицо и поставить лапы на плечи. Но когда его пристыдили за столь неподобающее поведение, то он лег в коридоре и только водил глазами, наблюдая за нашими передвижениями. А Эмочка грациозно подставляла спинку, позволяя себя погладить, выгибаясь и мурлыча. Да, наконец-то я добрался домой!

Подняв бокал замечательного вина, и отведав всяких вкусностей, что ещё с вечера приготовила Инночка, потянуло в сон. Что-то странное происходило со мной: кружилась голова, и обе руки казались огромными. В левой руке что-то всё время немело и поэтому приходилось её всё время двигать.

– Что-то ты батька засоловевший, – озабоченно подметила Инночка. Её голос слышался, как, будто, из соседней комнаты. Хотя вот она, моя хорошая, прильнула ко мне и тихо греется об меня, только что не мурлычет, хотя мурлыканье шло от Эмочки, устроившейся у меня на коленях.

– Да. Надо помыться и поспать, что-то с этими заботами и переездами я совсем раскис, – еле ворочая языком, проговорил я. Поднялся, поцеловал нежную щёку и пошел в ванную.

Россия – горячей воды нет.

– Уже месяц, как нет. Настрой «Атмор», – услышал я голос жены, но решил обмыться только холодной водой.

Острые струи ледяной воды пронзали тело, от чего оно казалось горячим и поневоле из глотки вырывалось рычание.

Ну вот, стало полегче. Растеревшись докрасна, я вышел из ванной.

– А давай я тебя подстригу? – предложила Инночка.

Я против этого никогда не был. За все годы супружества только она меня и стригла. Принёс табуретку, простынь и сел напротив большого зеркала в коридоре. Инночка подошла сзади, прильнув всем телом к моей спине, стала перебирать мои отросшие волосы.

– Совсем седой. Виски белые, но это тебе идет, – приговаривала она. Изогнувшись, я обнял её и, усадив себе на колени, долго и нежно целовал.

– Ладно, уж, а то останешься лохматым. Как завтра пойдешь в службу? – и она принялась щелкать над моими вихрами ножницами. Через пятнадцать минут клиент был острижен и, включив теплую воду, смывал с себя волосы. Инночка была рядом, помогала смывать невидимые волосинки и в промежутках награждала меня поцелуями.

– Всё. Иди в постель, я сейчас, – выпроводила она меня из ванной.

Ничего не может быть лучше моей постели, застеленной и выглаженной любимыми руками. Каждой клеточкой кожи я чувствовал её. Её жёсткость и мягкость придавали мне силы, будили моё воображение. Мягкие тона стен спальни и мебели призывали к покою и святости семейного ложа. Я лежал, закрыв глаза, и улыбка бродила по моему лицу. Нет ничего лучше дома, где тебя любят и ждут. Пусть будет в моём доме всегда любовь и покой. А я уж постараюсь для этого сделать всё возможное.

В ванной стих шум воды, неслышно открылась дверь и появилась прекрасная, как молочное облако, моя женушка. Расчесала волосы и затихла, обвив меня всего своими нежными руками.

– А теперь ты дома? – услышал я еле слышный шепот.

– Да, моя милая, – и, приподнявшись, посмотрел в её огромные глаза, ощущая непреодолимую тягу к этому, любимому мною, существу.

Уже много позже, ещё раз заглянув в её глаза, я увидел в них полные озёра. Слёзы.

– Ты что, плачешь?

– Да.

– Что с тобой?

– Не обращай внимания. Мне очень хорошо.

И прикоснувшись губами к краешкам этих дивных глаз, я пил эти слёзы, а ручейки, оставившие свои следы на её нежных щеках, осушал своим горячим дыханием. Глазки закрылись, дыхание выровнялось, и моя любовь лежала у меня на плече, мирно убаюканная моей нежностью. Ночь шла своим чередом. За окном проезжали одинокие машины, изредка освещая потолок своими фарами. А я боялся пошевелиться, потому что на моём плече лежало сокровище, которое мне очень не хотелось расплескать.

Ужасающий вой вывел меня из дрёмы. Мяу-у-у-у. Инночка вздрогнула, перевернулась на свою подушку и проговорила сонным голосом:

– Не обращай внимания. Это Эмка уже второй день орёт, просится до Мармика. Спи.

– Ладно, завтра схожу к Людке и отнесу его, пробормотал я сквозь сон, – Спи, спи.

Мармик-Мармелад, здоровенный, белый котяра с разными глазами, был нашим постоянным клиентом.

– Заодно повидеюсь с Вовкой, – уже во сне подумал я и провалился...

Ох, эти будильники, никогда не дают поспать. Я-то на судне подсакиваю сразу, от любого изменения шума. Всегда готов влететь в штаны, тапки и мчаться в машину на устранение неисправности. За двадцать с лишним лет уже по-другому не получается.

А Инночка нежится. Нажав кнопку будильника, хоть он и говорил он скромно «ку-ку», я сразу проснулся. Отодвинул его подальше и попытался встать.

Опять затекла левая рука, пальцы почти не ощущались. Я её размял, ещё раз с удовольствием отметил, что мазуты в порах ладоней нет. Мозоли хоть и остались, но были мягкими. Я осторожно погладил по плечу Инночку. Она чуть приоткрыла свои глазки и потянулась ко мне. Да, но рано или поздно на работу ей всё равно надо идти. Лучше, позднее. Не каждый день муж приходит из рейса. В поликлинике у них об этом знают. Морячек много.

После завтрака Инночка одевалась. Как я люблю смотреть на её движения во время этой процедуры. Иногда стараюсь помочь. Потом лёгкий макияж и всё – пора. Осторожно закрыв дверь, пусть дети ещё поспят, мы вышли во двор. Ещё один поцелуй и она пошла вверх по улице, а я через дорогу.

Ещё пару раз оглядываюсь, чтобы помахать ей рукой и иду в гараж.

Машина в порядке, завелась сразу и, как хороший конь, отдалась на милость водителю. Через десять минут я у Людки.

– О, привет, – тянет она и начинает рассказывать, как Инна готовилась к встрече, как бегала по базарам, магазинам, звонила всем и вся. И вот, наконец, я уже тут.

Вышел Вовка, заспанный, лохматый. Он уже шесть месяцев в отпуске. Ему это уже порядком надоело. Но Людка, услышав это, как всегда, прервала его стенания.

– Не надо, Вова, когда позовут, тогда и пойдешь. Отдыхай, зайка, – на что Вовка что-то пробубнил.

Объяснив катастрофическую ситуацию с Эммочкой и прихватив Мармика, я прикатил домой.

Мармик, паразит, только увидев страдающую девушку, тут же по рабочекрестьянски совершил своё подлое дело.

Я только снял туфли и сел передохнуть на диван, наблюдая за этой, как говорит Алёна, кошачночной свадьбой, как что-то закололо под левой лопаткой, опять занемела левая рука. Показалось, что ли или это было взаправду...

Мармик становится на задние лапы, Эммочка тоже. Она стоит ко мне спиной, а Мармик её обнял, как человек, и на её коричневой спинке лежат его две белые лапы одна выше другой. Неожиданно они прыгают вверх, метра на два, и на фоне чёрного потолка совершают свой танец.

Чёрт! Кажется, заснул. Что-то в последнее время отрубаясь даже просто сидя. Рейс был тяжёлый. Надо в отпуск.

Вовка вон уже полгода гуляет. Руку опять отлежал, и шея чего-то занемела. Хотел встать с дивана, но ноги как-то не так лежат. Надо же, сидя упал на левый бок и заснул! Вот старпёр! На часах тринадцать тридцать! Мама – дорогая, я же в службу опоздал! Ни фиги себе я сплю! Из спальни слышен Инночкин голос. Чего-то напевает. Надо вставать. Она же работала до часу дня, сейчас только что пришла с работы и не зашла в залу, потому и не заметила меня.

Встал, голова немного дурная после сна, пошевелил ею. На полу, на ковре сидит Эммочка и вылизывает белого, пушистого, примерно месячного котёнка. Что за чёрт! А где же Мармик? Ладно, пойду к жене. Состояние, как с похмелья. Да и во рту вкус примерно соответствующий.

Встал в дверях спальни. Инночка перед трюмо прихорашивалась.

– Привет. Как работалось?

– А ты... ты... как себя чувствуешь? – почему-то заикаясь, говорит она. Глаза широко открыты, причёска новая, не утренняя. Когда успела сделать? На работе что ли? Вот женщины! Всюду успеют. Блузка новая, белая, юбка как раз по фигуре. Нравится она мне в таких юбках и блузках. Хороший вкус у моей жены.

– Да вот принёс этого Мармика и пока наблюдал за началом их свадьбы, заснул на диване, – как бы оправдываясь, начинаю я, – Где он, кстати? Людка дала ему рыбы. Наверное, она уже оттаяла. Покормить его надо, а то засохнет наш жених. Да может быть, ещё в службу успею?

– Ты, правда, себя хорошо чувствуешь?

– Вообще, что-то разбитый какой-то. Переспал что ли? – пытаюсь передать свои ощущения, бормочу я.

Делаю шаг из проёма двери к Инночке, а она от меня слегка отстраняется и закрывает зеркало в трюмо. Протягиваю к ней руки, а они чуть раньше достают её плеч. Ба! Что с моей рукой? Часы на ней те же, рубашка та же. Пальцы, пальцы – длиннее и тоньше! А волосы на руке – куда исчезли? Ничего не пойму. Удивлённо смотрю на свою руку. Со второй та же картина. Не мои руки!! Трясу головой. Удивлённо смотрю на Инночку.

– Не удивляйся, теперь ты такой, – тихо произносит она.

– Какой такой?

– Ну, немного другой. Но вообще должен быть тот же самый.

– Какой самый?

– Смотри! – она распахивает зеркало в трюмо.

На меня смотрит какое-то чужое лицо. Поначалу показалось, что это картинка. Но я шевельнулся и картинка тоже. Невероятно! Там в зеркале – я. Но это же не я!!!

– Что это такое? – чуть не завопил я.

– Ты немного раньше проснулся, чем мы ожидали. Мы думали, что ты проснёшься через полчаса. Сейчас подъедут врачи и тебе всё объяснят.

– Что объяснят? Какие врачи? Мне в службу надо, я и так все проспал! – не понимал я.

– В службу тебе надо было три месяца назад. А сейчас уже не надо. И в море больше никогда не надо, – при этих последних словах её глаза потеплели, она как-то по-своему (только она так умеет делать) улыбнулась.

– Как три месяца? Меня что с работы уволили?

– Нет. Сядь. Прими всё спокойно. Я уже всё пережила.

Я сел. По привычке почесал затылок (Инночка от этого жеста радостно улыбнулась), ощутил жёсткие волосы. Мои-то вчера после стрижки были мягкие. А такие у меня бывают, когда сутки отпашешь в машине в тропиках при температуре градусов сорок пять. Странно. Когда успел испачкаться?

– Слушай, – начала Инночка – Ты принёс Мармика, сел на диван и ... умер. Да, да – умер. Алёна услышала кошачьи вопли, вышла из спальни и, увидев тебя такого, стала делать искусственное дыхание. А я забыла ключ от сейфа, и меня привезли домой за ним на нашей реанимационке. Когда я вошла домой, Алёна уже выбивалась из сил, но ребята со скорой успели тебя привезти в нашу лабораторию. Я тебе побоялась сказать тебе, что у меня новая работа. Думала потом. Американцы занимаются пересадкой мозга. И тут ты. Алечка, любимый, я тебя очень люблю. Я не хотела тебя терять, и дала согласие на пересадку твоего мозга на другое тело. Я хотела, чтобы ты остался жив, такой, какой ты есть. Со своими странностями и привычками, без которых я бы не смогла жить. Ты вот и сейчас почесал затылок, как прежде. Я уже привыкла к твоему новому облику. И ты привыкнешь. Не волнуйся только. Тебе это сейчас нельзя. Пойми, только из-за того, что бы моя половиночка оставалась на земле, я пошла на это. А то была готова сама наложить руки на себя.

Села рядом, положила голову мне на плечо, и заплакала.

О мои родные глазки! Вы опять плачете, но не так, как вчера ночью, а горько и безнадежно. Я взял в руки столь любимое мною лицо и начал его целовать, сглатывая из краешек своих любимых глаз, слезинки. Эти ручейки горя и боли просто растворялись во мне.

– Да ладно, привыкну, – буркнул я в ответ на её мольбу. А сам думаю, а как матери, отцу покажусь, братьям? Как паспорт с новой рожей сделать? Вот проблем-то будет. А половинка моя, угадывая, как всегда мои мысли, говорит:

– Все уже всё знают. Все уже к тебе привыкли. Осталось только тебе самому с этим сладить. А мериканьцы эти чертовы, будут тебе, как подопытному, до конца жизни пенсию платить. Так что бедствовать не будем. Громко звонит дверной звонок.

– Это, наверное, врачи...

Я подскакиваю на койке, хватаю трубку телефона. Голос третьего механика:

– Владимирович! А топливо из шестого правого не выкатывается. Что прикажете делать дальше?

Я окончательно просыпаюсь. До конца рейса осталось два месяца и десять дней.

1997 г. Персидский залив

Сон второй (плохой, тревожный, грустный)

Мой старенький, добрый «Витя Чаленко» входил потихоньку в Золотой Рог. Я, как всегда на подходах, находился в машине и управлял двигателем. Подходная суета всегда приятна. Всё помыто, чистенько, подкрашено. Все бумаги подготовлены. Я был готов ко всем проверкам. Наученный горьким опытом многих поколений механиков, я заготовил все бумаги на все случаи жизни, заполнил все журналы, формуляры. То есть был во всеоружии. Только волновала одна проблема. Судно было полностью загружено контрактными автомашинами, и каждый член экипажа вёз ещё по одной. В Японии в порту Кобе, где мы простояли неделю, всё было красиво и спокойно. А здесь, во Владивостоке, что-то беспокоило. Хотя перед подходом всем позвонили и всех предупредили о подходе.

Вахтенный принёс весть, что сходу идём к причалу, и там будет таможенное оформление, а обеспечение выгрузки будет контролировать ОМОН. Это уже намного лучше.

Наконец-то раздалась долгожданная команда «Машине отбой, готовность один час».

Я поднялся на палубу. Да... Во Владивостоке в середине февраля тепла не ощущается. Это не в Японии. Скользнул по причалу глазами. Вон знакомая группа крепких парней в кожаных куртках и норковых шапках. Таких «встречающих» видно издалека. Это уже вселяло успокоение. А эти две женские фигуры в шубах, что стоят напротив? Господи! Да это же Инночка с Леной! Саша их тоже увидел. И мы, стараясь перекричать шум вентиляторов, заорали в один голос и замахали руками.

Инночка была в новой каракулевой шубе до пят, на голове не менее изящная шапка и по плечам раскинуты её каштановые волосы. Лицо излучало улыбку. Она что-то говорила, но разобрать, что она говорила, было нельзя.

Плотник успел вооружить парадный трап, пока я бегал выключать этот воющий вентилятор. Саша начал опускать трап пониже. Я стоял на его нижней площадке и опускался вместе с трапом. Входить на судно нельзя, таможня ещё не оформила приход, но парой слов перекинуться можно.

– Здравствуй, любимый.

– Здравствуй, моя сладкая.

– Ну что, скоро к вам можно будет подняться?

– Таможня уже выехала, оформление много времени не займёт, – предположил я. Хотя, кто знает этих таможенников? – А ты чек на оплату пошлины выписала? – что-то вспомнилось мне.

– Всё нормально, не волнуйся, он здесь, – похлопала она по сумке и, для наглядности, чтобы показать его мне полезла в сумку.

– А где чек-то? – удивлённо подняла она на меня виноватые глаза, – Дома, что ли оставила? Вот растяпа! А может быть он тебе не будет нужен? – спросила она с надеждой.

Чувствовалось, что ей жутко не хотелось ехать за ним.

– Инночка, ты же понимаешь, что это защита вот от этих шакалов. – я кивнул на группки в кожаных тужурках, стоящих поодаль «кожанов».

– Лена, давай съездим за этим чёртовым чеком? – Инна обратилась с вопросом к Лене.

– Поехали, в машине всё теплее, а их к тому времени уже оформят, – тут же согласилась Лена.

И эти две прекрасные дамы сели, в стоящий рядом «Блубёрд» и, помахав нам ручками, уехали.

Тут я с ужасом обнаруживаю, что у меня в руках полная денег Инночкина сумочка со всеми документами. Таможни ещё нет, а у меня уже советские деньги. Пряча сумочку под телогрейку, бегу в каюту и прячу её. И тут, как тот наркоман, «А где же травка?». Думаю –

найдут. Лихорадочно перепрыгиваю. Нет, не найдут. Вообще-то место ненадёжное. Опять прячу. Ну, теперь вроде бы всё в порядке – не найдут.

Но таможенники ничего не искали. Быстро, в течение получаса, они оформили все документы и уехали к себе.

Тут и наши дамочки нарисовались. ОМОН их пропустил, а «кожанам», пытавшимся пристроиться за ними, путь был преграждён. А теперь уже никто не мешает мне обнять и расцеловать свою жену. Окунуться в ворох её волос и ощутить тепло твоего самого родного и близкого человека. Радость переполняет меня и так не хочется разрывать эти объятия. Но на палубе холодно, дует пронизывающий ветер. Мы заходим в надстройку и идём в каюту.

В надстройке тепло, а до каюты надо подняться только палубой выше.

– А где твоя сумочка? – спрашиваю я ехидненько.

– Ах! А где сумка? – всплескивает руками Инночка.

– Ладно, уж, в каюте у меня, – успокаиваю я её и смеюсь.

– Ух, и напугал ты меня. Там же все документы, – тоже смеётся Инночка.

– И деньги, – добавляю я.

– И точно, деньги. И что? Обошлось? – спрашивает она меня с надеждой.

– Всё хорошо, – говорю я, закрывая дверь каюты.

– Рад? – она заглядывает мне в глаза.

Вместо ответа, снимаю с неё шубу и крепко прижимаю к себе. Мы так стоим долго. То, целуясь, то, отрываясь от поцелуя, чтобы ещё раз посмотреть друг на друга.

– Не замерзла? – спрашиваю я заботливо, – Вот кофейник, кофе, бутерброды, фрукты. Перекуси. Мне надо сбегать в таможенную, оформить машину, пока «кожаные» не насели. Она только до шести вечера работает.

– Подожди. Там же Сашины ребята. Они в обиду не дадут, – хочет она меня удержать.

Но уж если я что решил, то выпью обязательно, как поёт Высоцкий. Я одеваюсь и, под взглядом обиженных глаз, стараюсь уйти.

– Не обижайся, через сорок минут буду, – и закрываю за собой дверь.

Десять минут туда, пять минут уговорить, обольстить, сделать тысячу комплиментов этим матронам, десять минут на оформление бумаг, хорошо, что чек с собой и ничего не надо платить в кассу, которая уже полчаса как закрылась.

Весь в мыле, как, будто не февраль на улице, влетаю в каюту, закрываю дверь на ключ и, помахивая гордо таможкой, сажусь рядом со своей любимой.

– Всё! Теперь никуда!

– А домой? Ведь дети же тоже ждут, – пытается она хоть что-то сказать.

Но это получается у неё не столь убедительно, поэтому я продолжаю в том же духе.

– Чуть позже. Дай мне наглядеться на тебя. Соскучился очень.

– Что-то я этого не заметила, – бурчит Инночка, отодвигаясь от меня.

Да. Кажется, вулканчик оживает. Чем же мы его будем тушить? Наверное, только любовью и лаской. Слова тут бесполезны. Смотрю на столь дорогое мне лицо, на эти надутые губки, на неприступно вздёрнутый носик. Конечно. Я уже провинился. Уже обидел невниманием, она уже никому не нужна, уже все звёзды погасли и солнце никогда (запомните), никогда не взойдёт, а он всё бежит со своими бумажками... Эти мысли можно было читать в ореоле над её обиженной, склонённой головкой.

Но рубить, так рубить, а если рубить, то отрубать. Подсаживаюсь ближе, кладу руку на плечо, которое независимо дёргается. Второй рукой поворачиваю к себе, столь часто видимое во сне лицо. Снизу заглядываю в наши глазки. Они на меня не смотрят, огромные ресницы закрывают их наполовину. Утыкаюсь носом в щеку и ещё раз, с явным подхалимажем, заглядываю в глаза. Они полностью раскрываются. В них уже нет обиды.

О, зеркала моей души! Каждый раз, когда я в них гляжусь, я тону, не успев крикнуть «спасите». Мои зелёные зеркала, возьмите меня к себе, впитайте меня, не надо мне никакого остатка! Я утону в них, как и тысячи раз прежде, я ощущаю вкус губ, их бархатную нежность, аромат женщины. Женщины, которая меня любит, хочет, ждёт и воспитывает моих детей. О, счастье мне, что ты у меня есть. О, радость, что когда-то один из нас вошёл в нужную дверь, выбрал правильный путь и мы, соединив наши руки и сердца, никогда их уже не разорвём.

Позвонил Саша, и сказал, что уходит с ребятами с судна, потому что о машинах переживать не стоит. Выгружать наши машины будут только завтра утром и только под их приглядом. Спросил, нужна ли помощь.

– Нет, сейчас и мы пойдём домой, – с благодарностью за заботу ответил я ему.

– Ну, счастливо добраться, – пожелал в ответ Саша, Хороший мужик Саша. Интеллигентный, настойчивый, сдержанный. Мне он очень нравится. А Инне – Лена.

Стали одеваться, собирать вещи. Неожиданно в дверь постучали. Я подумал, что это снова Саша и, без задней мысли, открыл дверь.

Вот это да! В дверях стоял «шкаф», за ним второй, чуть поменьше. «Шкафы», как бы невзначай, потеснили меня от двери. Амбалы заполнили всю каюту. Закрыв дверь и, не спросив разрешения сест, устроились на креслах, как у себя дома. От такой наглости я потерял дар речи. У нас так на судах не принято и я уже просто отвык от такого нахальства. А они начали сразу в лоб.

– Это Ваша машина стоит на корме слева под рострами?

– Моя. А почему это вас интересует?

– Мы бы хотели её купить, и дали бы за неё неплохую сумму, – самый здоровый, без дальнейших объяснений, начинает вынимать из всех своих карманов деньги. Тройки, пятёрки, какие-то облигации и ещё что-то. Весь стол был завален этим барахлом. Ого, сколько у него карманов! И тут я понимаю, что оба эти лба, абсолютно пьяны. Миазмы от них, как и они, сами, заполнили всю каюту.

– Нет. Машина не продаётся, она уже оформлена в таможне, – как можно спокойнее, пытаюсь объяснить я, – Вам что, ничего не объяснили, только что отъехавшие ребята? – пытаюсь, как можно спокойнее, объяснить ситуацию.

Но, в ответ, начались уговоры, посулы, предложение мнимых благ от, нагло рассевшихся, амбалов. Но я стоял на своём. И тут, не выдержав, вмешалась Инночка.

– Ребята, вы, что плохо понимаете по-русски? Вам же сказано не про-да-ёт-ся, – она еле сдерживала бешенство.

– А ты, вообще молчи. С тобой не разговаривают, – отмахнулся от неё самый здоровый.

Такие слова моей жене говорить нельзя. Это для неё, как красная тряпка для быка. В таком состоянии Инночка не имеет страха, она теряет чувство опасности. У неё существует только ярость от нанесённого оскорбления. Такое хамство её моментально взрывает. Щеки бледнеют, и без того огромные глаза, раскрываются ещё больше и начинают излучать огонь. Её лучше сейчас не задевать. Последствия непредсказуемы.

– А вот за эти слова, ты у меня завтра прощение будешь просить. Здесь же, но в другом обществе, – зловеще обещает она амбалам.

Смотрю. Амбалы мои чего-то струхнули. Видя их замешательство, я сразу меняю тактику:

– Вот именно, давайте завтра здесь в полдевятого встретимся. Приходить только в трезвом виде и только тогда поговорим. С такими балдыми я дел иметь не хочу.

«Шкафы» посовещались, собрали деньги и мирно, бочком покинули каюту.

Смотрю, моя жёнушка ни жива, ни мертва. Бледная, руки трясутся, лезет за валерианкой в сумочку. Всё, опасность прошла, задор закончился. Обычная женская реакция.

– Они больше не придут? – еле слышным голосом спрашивает она.

– Да вроде, нет, – пожимаю плечами, а у самого тоже под ложечкой сосёт.

– А они нас в порту не выловят?

– Кто его знает? Чего-то испугались? Если сейчас не тронули, то, значит, и в порту не тронут.

– Пошли домой, а то мне что-то плохо, уже еле-еле выдавливает из себя Инночка.

Ах, ты, моя сладкая. Видно, что ей действительно плохо. Но через полчаса она успокоилась, и мы пошли по тёмному порту к трамвайной остановке, чтобы добраться домой. В трамвае Инночка совсем отошла от перенесённых переживаний и её озорные глаза сверкали от воспоминаний, как эти два «шкафа» перетрусили от слов столь хрупкого создания.

Только позвонили в дверь, как она сразу распахнулась и Алёна с криком:

– Папочка, милый, как я соскучилась, – бросилась мне не шею. Данила тёрся рядом, тянув свои ручки ко мне. И когда, взгромоздясь мне на руки, освоился, сразу спросил:

– А ты корюшку привёз?

– Нет, сынок, корюшки не было, но у нас есть яблоки и мандарины, – этого хватило, чтобы он юркнуло с рук, и полез в сумку.

Достали подарки. Каждый стал их примерять на себя. И такие красивые, одетые в обновки, сели за стол.

Инночка, всё ещё, взволнованная от пережитого, стала заставлять стол снедью. Поставила на стол бутылку «Монастырской избы». Детям была «Коко-кола». За разговорами пролетел вечер. Когда детвора улеглась, можно было уже уединиться и нам. Два, истосковавшихся сердца, всегда стремящихся друг к другу, две половиночки, волей судьбы, разносимые в разные стороны, наконец-то соединились.

Разговоры, поцелуи, объятия, стремление сделать близкому самое лучшее, на, что ты способен, делали нас счастливыми. Каждое слово и жест – всё было создано для этого. Мы понимали желание любимого, и от этого счастье близости было огромным. Оно было нам наградой за разлуки и трудности, которые каждый из нас вынес в одиночку.

Не успел прозвонить будильник, как Данила уже проник к нам в кровать и, устроившись между нами, вертел своей беленькой головкой, задавая кучу вопросов. От шума проснулась Алёна и тоже легла в серединку. Даниле хотелось быть поближе ко мне, Алёне тоже. Началась свалка. Тут уже и будильник не нужен. Сон сняло, как рукой. Даниле – в сад, хорошо, что он находится под окнами дома. Алёне – в школу, одну остановку на трамвае, а мне в порт. Инночка взяла отгул, и мы отправились на судно вместе.

В восемь часов мы были уже на судне. Ребята, обеспечивающие нашу безопасность, уже приехали и поджидали грузчиков. Я пригласил их на кофе к себе в каюту. За кофе Инночка рассказала им о вчерашнем инциденте со «шкафами». И тут один из них всунул голову в дверь каюты. Увидев ребят, он обомлел, но те поманили его пальчиком. А когда он боком втиснулся в каюту и прижался к дверному косяку, объяснили ему его неприличное поведение, в результате тот выдавил из себя:

– Извините нас, Инна, мы не хотели причинить Вам беспокойство, – и испарился.

Этих двух амбалов я не видел даже на выгрузке машин. На свою «Либерту» я поставил свежезаряженный аккумулятор и осмотрел её целостность после ночи в родном порту. Она мне нравилась. Двигатель 1,8, стального цвета, комби, на шипованных, с литыми дисками на 175/13 колёсами, смотрелась отлично. Ни ржавчинки, ни вмятинки – картинка, а не «Ниссан».

Грузчики, пощёлкав языками, взяли 25 рублей за выгрузку, зацепили за колёса моё приобретение и перенесли на причал. Инночка вынесла оставшиеся вещи и...

Двигатель работал бесшумно. Прогрелся. 1-я, 2-я, 3-я и мы выкатываемся из порта. Я ещё не совсем почувствовал машину, поэтому вёл её осторожно. До дома доехали быстро. Выгрузили вещи и тут, моей единственной и ненаглядной, вздумалось съездить на базар.

Ладно, поехали. Мне и самому хотелось поездить. Быстро закупили всего, на что упал взгляд, и тут очередная мысль была выдана моей женой:

– Знаешь, мне через неделю на права сдавать, давай я потренируюсь на нашей машине в безлюдном месте, – предложила она.

Я возразил, что сдавать ей придётся на «Москвиче», что руль с другой стороны, но все доводы были бесполезны.

– Ладно, поехали, – неохотно согласился я.

Выехали на шаморовскую дорогу. За Горностаем Инночка села за руль. Сначала тронулась рывком, потом уже плавней, переключилась на четвёртую скорость. Под музыку Поля Мориа, в теплом салоне ехалось прекрасно. От возбуждения Инночка раскраснелась, стала ещё красивее, и сердце моё успокоилось и растаяло. Остановились, чтобы снять верхнюю одежду и шапки. Сложили их на заднее сиденье, и вновь она тронулась легко, плавно набрала скорость и под эту музыку ехалось бы, да ехалось...

– А что это за жёлтая полосочка на спидометре? – как бы невзначай спросила она.

– Когда стрелка её достигнет, то зазвенит колокольчик, – объяснил я, напряженно вглядываясь в дорогу.

– Давай попробуем, до колокольчиков? – озорно предложила она.

– Давай, только дальше. Там ровный, длинный участок дороги, – бездумно ответил я, – Только я сначала пристегнусь.

Вот и этот участок. Двигатель заурчал натужнее, стрелка поползла к отметке 110 км/час. Колокольчик зазвенел:

– Работает! – радостно воскликнула она.

– Сбрасывай газ, – я едва успел сказать эти слова, как спуск закончился. В конце его была замёрзшая лужа, а дальше на 2–3 километра была ровная дорога и ни одной машины.

Машину на луже бросило влево.

– Ой, что это? – закричала Инночка и закрутила руль в сторону заноса («Ниссан» был переднеприводным), потом беспорядочно вправо, влево. Машину развернуло поперёк дороги и выбросило на правую обочину. Бабах. Тишина и темнота...

Та-ак, значит жив. Я пошевелил пальцем на руке. Хо! Шевелится – нормально. Что это за запах? Аптечка что ли разбилась? Но тишина и темнота. Боюсь открыть глаза. Да они, по-моему, и не открываются. Да нет. Одно веко приоткрылось, и в щелку я увидел белый потолок. Ого! Я в больнице что ли? И тут рядом голоса. Один, видимо пожилой женщины. Другой, вроде бы девичий.

– Этот-то всё также, а у того с той недели начались какие-то изменения. По-моему в лучшую сторону. Я просматривала сегодня диаграммы, на них это заметно.

Ага, тот – это значит я. Значит уже больше недели я здесь. Вот дела. Бабахнулись, значит неслабо. А где же Инночка? Что с ней? Как бы всё это узнать?

– Смотрите! У того что-то на осциллографе забегало!

– Да, недаром вчера были какие-то пики.

Слышу, подходят ко мне. Кто-то склоняется надо мной. Запах тонких духов и хороших сигарет.

– Голубчик, а Вы не притворяйтесь. Откройте глазки.

Эх! Не надуришь этих врачей! Пришлось один глаз приоткрыть.

– Здравствуйте. Ну, вот и молодец, выкарабкался.

Пытаюсь что-то сказать, но ни черта не выходит. Даже зло берёт!

– Катя, смажь ему рот. По-моему, он не выкарабкивается, а взлетает. Так, его дела пошли лучше, – она смотрит на ленту осциллографа.

Ощущаю во рту прохладу, свежесть ментола, губы, уже не как камни, вроде, в них даже пульсирует кровь. Открываю слегка глаз. Доброе, участливое лицо женщины, чем-то напоминающее мать, опять надо мной. Ах, вот она такая этот мой врач.

– Ну, вот и хорошо. Открывай, открывай свои глазки. Второй тоже. Ты же мужик. Давай, действуй!

А, знаю я ваши штучки. Всё-то вы подбадриваете, стараетесь надурить, а тут может быть, обрубок какой-то валяется. Обрубок ли? А ну, если я шевельну ногой? Ого! Пальцы на ноге зашевелились. А на второй? Тоже шевелятся. Значит, руки, ноги есть, башка прилеплена. Всё. О'кэй. Живу! Но где же Инночка? Сквозь туман слышу ещё какие-то ободряющие слова, но я их не слушаю. Концентрирую мысли, например, на пальце. Шевелю – нормально. На другом. Шевелю – нормально. И так контролирую все части своего тела. Боюсь только открывать глаза. Ну да ладно, чёрт с ними, не скиснут. Давай попробую. И второй открывается. Вижу свет, улыбающееся лицо врача и медсестры.

– Ну вот, молодец, а теперь на сегодня хватит. Отдыхай. Катя, сделай ему обычный массаж и подкорми. А то ведь отошал за четыре-то месяца. Да пусть спит.

Мама дорогая. Четыре месяца я тут валяюсь!!! Вот это бабахнулись. Но где же Инночка? Что с ней?

– А ты, дорогой, пока ешь, спи. Скажу твоей жене, чтобы завтра пришла, а то она тут все пороги пооббивала. Иногда я позволяю ей посмотреть на тебя.

Чувствую в животе какое-то наполнение. Ничего себе! Это они меня через трубку во рту чем-то наспиговывают.

Ну, слава Богу! С Инночкой всё в порядке! Я её, мою золотую, завтра увижу. Она посмотрит на меня своими изумрудными глазами, улыбнётся и голосом, непередаваемой нежности, спросит: «Алечка, ну как ты там?». Быстрее бы завтра. Что-то мягкое обволакивает голову. Я куда-то лечу. Но бабаха нет. «Значит, засыпаю», – промелькнула последняя мысль...

Опять голоса. Те же самые. Открываю глаз. Исподтишка подсматриваю.

– Давай, давай и второй открывай, нечего симулировать немощность. Давайте, девочки, сделайте-ка ему хороший массаж и приподнимите его.

Если просите, то открою. Открываю оба глаза. Стараюсь оглядеться. Шевельнул головой. Нормально. А ну-ка ещё раз. Получилось. Отлично! Потом спорт и бег сделают своё дело. А сейчас мне бы всё только слегка расшевелить. Чьи-то руки начинают массаж ног. В ступнях щекотно. Хихикаю.

– Смотри, он уже смеётся, – слышится радостный голос от моих ног.

– Значит завтра побежит, – уверенно говорит врач.

Но иногда эти руки доставляют и боль. Но я терплю. Поднимается голова. Теперь я уставлен не только в потолок. Вращаю глазами справа налево, потом наоборот. Три женщины – все улыбаются. На той стороне лежит какой-то ханурик весь в проводах. Вообще-то, я от него, наверное, мало, чем отличаюсь, но уже чувствую своё превосходство над ним, другим.

– Ну что же. Выглядишь молодцом! Причешите его, девочки. Руку-то хоть сможешь поднять, герой?

Пытаюсь это сделать, но что-то она, какая-то ватная. Раз, другой, ещё попытка. Рука едва оторвалась от одеяла, но тут же упала. Пытаюсь сказать что-то, но не получается.

– Не перенапрягайся. Пока не надо. Тебе после такого сильного сотрясения теперь надо всё делать осторожно, постепенно. А пока есть потеря речи, возможна амнезия.

Амнезия? Что-то знакомое. А... Это, что я ничего не помню. Вот уж дудки. Это в американских фильмах ничего не помнят, а я всё помню. До капельки. Но вам об этом не скажу. О, да она же говорила, что я к тому же и немой. Вот хорошо Инночке будет. Она же теперь сможет мне говорить всё, что захочет, а в ответ не услышит ни одного грубого словечка.

Одно плохо, что никакого. А она же любит ещё и ушами. Но что-нибудь изобретём. Быстрее бы ей разрешили придти.

– Всё, клиент готов, – в шутку говорит Катя.

– Тогда я сейчас приведу жену, – говорит другая медсестра.

– Хорошо, – как-то глухо говорит врач и устраивается в углу палаты.

Сейчас, сейчас я её увижу. Сердце начинает учащённо стучать, руки невольно сжимаются в кулаки. Я весь напрягся, Знакомое ощущение ожидания встречи. Сколько раз я его испытывал, приходя из рейса. И тогда когда моя любимая меня встречала, то на рейдовом катере, то на причале, то с властями, а то и просто так, когда я шёл из магазина с покупками или с трамвая с работы. Стучи сердце, волнуйся, ведь за эти мгновения встреч и радости от них, я готов отдать всё, что у меня есть! А когда встречаются взгляды, после длинной разлуки, то это вновь восстанавливается нить жизни, это с новой силой вспыхивает любовь и вызывает необъяснимый подъём духовных и моральных сил. Сейчас это произойдёт! Сейчас всё прежнее во мне всколыхнётся вновь!

Слышны шаги, открывается дверь и в лучах солнца, падающего из окна, появляется она, ведя за руку Данилку. Солнце так ярко освещает её, что виден только её контур, а всю – нет. Она делает ко мне шаг, выходя из этого солнечного круга. Но что это? Кто это? Нет извините. У меня амнезия, как вы говорите, но зачем мне это подсовывать? Не настолько уж я амнезирован, чтобы не узнать свою Инночку.

Какая-то белая круглая морда. Прищурив свои подлые глазки, тянет ко мне свои руки со словами: «Здравствуй, Алечка». Но что за голос? Это не её голос. У нас нет такого голоса, у нас нет этих противных рук, прищуренных глаз. И подталкивает ко мне какого-то пацанёнка с лицом кавказской национальности, чёрного и курчавого.

– Иди Данилка к папе.

Не мой это сын! Где белые кучеряшки? Где кругленькая, с румянцем во всю щёку, мордашка моего Балихонистового? Вы что меня все здесь за дурака считаете? Я поворачиваю голову к врачу.

Твою господу Христофора Колумба через Панамский канал! Чего вы мне подсунули? Она встает и уверенно говорит:

– Нет у него никакой амнезии. А Вы. Елена Алексеевна, идите и заберите отсюда Романа. Извините, Алексей Владимирович, за эксперимент, но ведь Вы сами пытались ввести нас в такое заблуждение. Тяжело и грубо, но извините.

Ни фиги себе «извините». Господи, прости меня за грубость. Это у меня чуть все шары не повылезали, я чуть не рёхнулся, а она «извините». Но постойте, где же тогда моя Инночка? Что с ней?

– Но Вам придётся пережить ещё более трудные испытания, будьте готовы к ним, – продолжает она, – Ваша жена тогда погибла, а Вы только чудом остались живы. Да и то мы собирали Вас по кусочкам. Через месяц – два, Вы будете в норме. Постарайтесь привыкнуть к новой жизни.

Вот это похуже того бабаха. Как так, что её нет? Её совсем нет? И никогда не будет? Не будет громадных, всепоглощающих глаз? Не будет бархатных губ? Никогда не будет голоса, и никто мне так не скажет: «Алечка», как только она могла говорить. Была бы сила, разбомбил бы вас к чёртовой матери со всеми вашими экспериментами, собиранием по кусочкам. Но руку невозможно поднять даже для того, чтобы вытереть, заполненные слезами, глаза.

Один. Я один. Её нет, и только сейчас я об этом узнаю. Хотя, что там... На второй день моего сознания. Не будет улыбки. Не будет тепла. Не будет смеха. Не будет ласки. Не будет любви. Как метроном стучат тяжёлые фразы. Не будет жизни...

Глаза полны слёз. Они текут, и я в них захлёбываюсь. Я ничего не могу с собой поделаться. Я плачу. Беззвучно глотаю одну слезу за другой. Из-за них в глазах темно, как будто

наступила ночь. Из груди вырывается рыдающий вопль, я стараюсь его подавить, но он разрывает меня изнутри...

Темнота. Мерно работает главный двигатель. От ритма его работы судно слегка вибрирует. Я ищу рукой край, мокрой от пота, простыни и вытираю слёзы. А они всё катят и катят из глаз, как струйки пота по телу, когда в машине в тропиках идёт работа. Долго-долго лежу, ещё не осознавая, что это всего лишь сон, что уже две недели я действительно не слышал голос своей Инночки. Завтра приход в порт. И первым делом, что я сделаю, это из первого же автомата позвоню ей.

До конца рейса оставалось два с половиной месяца...

1997 г. Аравийское море

Сон третий (плохой, ужасно плохой)

Я сидел на кухне, тупо уставясь в окно, и ничего перед собой не видел. Настроение было отвратительное, всё валилось из рук. Сигарета, которую я держал в руках, затухала, да я о ней и забыл. Что-то было всё не так, чего-то не ладилось в моей жизни. Я уже четыре месяца был в отпуске. Отпускные, которые мне выплатили, разошлись уже за первые два месяца. Валюта, с таким трудом заработанная в рейсе, улетучилась со страшной силой, как из лопнувшего шара воздух. А ведь все полгода рейса я ограничивал себя даже в малом. Попить – и то банку сока не позволял себе купить. Лишнего ничего не покупал, только то, что было нужно для детей и жены. Остальное она уже сама докупала здесь, во Владивостоке. Деньги, что вода, растворились и их, как будто, и не было.

Ещё этот разговор привёл к ссоре. Зарёкся же себе, не говорить лишнего. Зная характер жены, лучше было не намекать на эту тему. Но чёрт дёрнул за язык, вечно же не будешь следить за каждым словом и жестом. Наташка, якобы сказала, что моя жена живёт со мной ради денег. Ну, я и ляпнул это. А в итоге-то, на мели я сам. Опять надо в рейс, чтобы как-то содержать семью. Как ещё месяц прожить до конца отпуска? А жена взвинтилась, ей обидно. Она-то видит эти финансы – шансы. Ох, всё не ладится, всё через ж...

На улице погода была под стать моему настроению. Шёл мелкий противный дождь, машины проезжали все грязные выше крыши, редкие пешеходы сторонились края дороги. Хотя было ещё чуть больше полудня, хмарь стояла беспросветная. И зачем жена решила ехать сегодня на работу на машине? Что-то долго она прихорашивалась у зеркала перед уходом. Скоро должна приехать.

И вообще, как жить дальше? Целыми днями думаешь, что бы купить подешевле, но неплохого качества. Сядешь за руль и мотаешься. Мясо купишь на одном комбинате. Овощи – на какой-то базе, фрукты – на другой, субпродукты – на третьей. Возьмёшь миллион, а к вечеру ни шиша не остаётся, но жратвой (иначе не назовёшь), забьёшь холодильники. На полторы – две недели хватит. Потом опять то же самое. Это я сейчас на себя взял эту обязанность. Жена так, в помощь. А когда я в рейсе, ей приходится всё делать самой. Достаётся бедной.

Подбежала Лёлька, мой одуванчик. Ей всего четыре годика, но смышленная, щебетунья.

– Ты уже покурил? Не будешь меня больше дымом отравлять? – задрал головку, и голосом, как колокольчик, прозвенела она.

– Нет, не буду, – я улыбнулся, стряхивая с себя хандру, погладил её по головке, умещающейся у меня в ладони. Её длинные, шёлковые белесые волосы, приятно ощущались на ладони. Она задрала вверх свои беленькие рученьки с растопыренными пальчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.